

терный для северокарельских деревень в конце XIX — начале XX в. Создается картина относительно стабильного образа жизни, мало менявшегося в течение веков и сохранявшего много архаических черт не только в обрядах и верованиях, но и в материальной культуре.

Не все деревни описаны в равной степени подробно, что отмечает и сам автор в предисловии. Это зависело от информаторов: порою словоохотливый человек с хорошей памятью мог больше рассказать о маленькой деревушке в три-четыре двора, чем несколько человек о большом селе, где более высока мобильность населения. Особенно подробно описаны деревни Суднозеро (Venehjärvi), Вокнаволок (Vuokkiniemi), Ювалакша (Juvölahti) и Костомукша (Kostamus). Большой интерес представляют демографические и генеалогические сведения, данные о родственных отношениях семей и пр. Очень хорошо описано Суднозеро: автор ведет читателя от дома к дому, рассказывая о составе каждой семьи, откуда была родом хозяйка, какова дальнейшая судьба детей и т. п. Генеалогические исследования ценны и сами по себе, потому что в Карелии подобная работа не проводилась. Такие исследования в данном ареале интересны еще и потому, что жители этих деревень были хранителями калевальской эпической традиции. Вера в магическую силу слова была здесь очень сильна еще в начале XX в. Поэтому в книге встречаются имена как знаменитых рунопевцев XIX в., так и известных знахарей-заклинателей и свадебных колдунов. Родословная многих из них была более или менее выявлена предыдущими исследователями<sup>3</sup>. П. Виртаранте удалось многое уточнить и конкретизировать, так что генеалогические сведения обросли живой плотью. Приведенные материалы помогают понять, как передавалось искусство слова от поколения к поколению. В то же время, знакомясь с этими генеалогическими разысканиями, мы лишний раз убеждаемся, что рунопевческое искусство, как и вообще устная народная поэзия, не было достоянием только избранных. «Эпическое настроение», по выражению П. Н. Рыбникова, было присуще в целом населению этого края вплоть до XX в.

В рассказах информаторов содержится много интересных сведений, относящихся к традиционной культуре, как к материальной, так и к духовной. Ориентироваться в этом материале помогает подробный предметный указатель к книге.

Как и в других работах Виртаранты, лингвист найдет здесь живые народные говоры, фольклорист — фольклорные тексты и сведения о бытовании и функции устно-поэтических произведений, этнограф — материалы о промыслах, обрядах, праздниках, о знахарстве и колдовстве, специалист по топонимике — новые данные о саамской и карельской топонимике. Книга иллюстрирована превосходными фотографиями разных собирателей, работавших в этом краю начиная с конца XIX в., и самого автора.

П. Виртаранта придает особое значение полевым исследованиям. В предисловии к рецензируемой книге он пишет: «Думаю, что сохранение разнообразных сведений о деревенском быте будет полезно для исследования Карелии, дальнейшее направление которого трудно сейчас предугадать...». В интервью, данном П. Виртарантой журналу «Пуналиппу» во время симпозиума по прибалтийско-финской филологии в мае 1979 г. в Петрозаводске, он также подчеркивал необходимость интенсивной собирательской работы: «В полевых условиях бросается в глаза, как быстро исчезают диалекты... Если мы хотим изучать карельский язык, на котором здесь говорили в течение столетий, его надо собирать как можно быстрее, чтобы составить подлинную картину живых говоров и традиционной культуры тех, кто на этом языке говорил».

У. С. Конкка

<sup>3</sup> A. R. Niemi. Vienen läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki, 1921.

В. И. Васильев. Проблемы формирования северосаамодийских народностей. М., 1979, 243 с.

Проблемы происхождения и этнической истории Советского Севера привлекают большое внимание исследователей<sup>1</sup>. В рецензируемой монографии рассматривается формирование и этническое развитие двух северных народов с взаимосвязанными историческими судьбами — ненцев и энцев.

В первой главе: «Южносибирские компоненты в составе ненцев и энцев» автор на основе анализа этнонимов приходит к выводу «...о былом самодийском массиве на юге Сибири под общим тотемическим названием „журавлиные люди“» (с. 31), с которым он связывает предков, переселившихся затем на Север праненецких групп. Этнические компоненты южносибирского происхождения в составе энцев автор выявляет с помощью анализа этнонимических и родовых названий и сопоставления их с этнонимикой ряда народов Южной Сибири, он привлекает также данные археологии и лингвистики. Все

<sup>1</sup> См. И. С. Гурвич. Изучение этногенеза народов Севера в советский период (Состояние проблемы, задачи и перспективы). — «Этногенез и этническая история народов Севера». М., 1975, с. 5—42.

это дает возможность выделить три этапа переселения южных самодийцев на Север: первый (II—IV вв. н. э.), связан с появлением в Заполярье предков тундровых ненцев, а два последующих (IX и XIII вв.) с перемещением в тундровые и таежные районы предков лесных ненцев и энцев.

Обоснованным представляется и вывод о том, что современные северосамодийские народности сложились на основе различных родовых групп южных самодийцев.

Во второй главе: «Аборигенный субстрат Северной Евразии и его роль в этногенезе ненцев и энцев» особое внимание уделяется выделению родовых компонентов в составе северосамодийских народов, связанных с аборигенным населением. Плодотворной для дальнейшего изучения этнографии народов Севера, по нашему мнению, является мысль о том, что «аборигенный субстрат лесной и тундровой полосы Европейского Севера и Сибири в этническом отношении не был однородным» (с. 60).

Третья глава: «Проблемы генезиса некоторых элементов материальной культуры и социальных институтов ненцев и энцев в свете их этногенеза» посвящена по существу рассмотрению тех культурных и социальных институтов, которые сформировались в результате ассимиляции пришельцами — самодийцами малочисленного аборигенного населения. Анализ материалов по упряжному и вьючному оленеводству, типам жилищ и одежды в целом свидетельствует об этнической двухкомпонентности северных самодийцев. Сложение фратриально-родовой организации сибирских тундровых ненцев автор вслед за Б. О. Долгих рассматривает как результат этнического взаимодействия южносибирских пришельцев (фратрия Харючи) и заполярных автохтонов (ядро фратрии Вануйта).

Как нам представляется, В. И. Васильеву удалось решить одну из центральных задач исследований по проблематике этногенеза: выделить и охарактеризовать этнические компоненты, из которых сложились ненцы и энцы.

В то же время следует заметить, что некоторые выводы (например, об этнической разнородности аборигенов) остаются по-прежнему на уровне гипотез, хотя эти гипотезы и пополнились теперь рядом новых соображений.

В четвертой и пятой главах, посвященных этнической истории (XVII — начало XX в.), определяются границы расселения европейских ненцев, сибирских тундровых и лесных ненцев и энцев, фиксируются последующие их изменения, вызванные миграциями или социально-экономическими причинами, анализируются численность и родовой (фамильный) состав этих групп, процесс дробления их на патронимические единицы.

Автор подробно характеризует этнические контакты разных групп ненцев и энцев, образование новых этно-территориальных групп в исторический период, этнические связи северных самодийцев с коми-ижемцами, хантами, манси, селькупам, кетам и русскими. В этой части монографии наряду с архивными данными приводится много полевых материалов. Цифровой материал, характеризующий этнические процессы, сведен в 33 таблицы. Справедливым представляется сомнение автора относительно правомерности использования при определении численности населения по количеству ясачных плательщиков коэффициента 4 (с. 100, 103). Исходя из конкретной демографической ситуации и документов автор вводит свои коэффициенты.

В. И. Васильев не только решает ряд вопросов конкретной истории формирования и этнического развития северосамодийских этносов, но и рассматривает теоретические аспекты названных проблем.

Так, в книге решается вопрос о размежевании понятий «этногенез» и «этническая история». Нередко исследователи смешивают эти понятия, вкладывая в них чрезвычайно широкое содержание, либо, наоборот, стремятся резко их разграничить. Нам представляется, что В. И. Васильеву (свою точку зрения он излагает во введении) удалось избежать этих крайностей. Под этногенезом он понимает процесс исторического формирования этноса, сложение его из разнородных этнических компонентов, а под этнической историей «...период исторического развития этноса, начиная с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современное нам время» (с. 4). И далее В. И. Васильев совершенно справедливо отмечает, что этногенетические процессы не прекращаются с формированием этноса, они имеют место и в последующий период этнической истории, но не являются определяющими. В своей книге он на конкретных материалах показывает, как в период исторического развития самодийские народности Севера включали в себя иноэтнические группы или их элементы и утрачивали частично собственные компоненты. По нашему мнению, это выдвинутое В. И. Васильевым теоретическое положение следует поддержать. Там же во введении, рассматривая вопрос о сравнительной значимости данных разных наук (истории, археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, фольклористики), а соответственно и разных источников для решения проблем этногенеза и этнической истории, автор пришел к выводу, что она неодинакова при исследовании процессов этногенеза и этнической истории одного и того же народа.

В результате сравнительного анализа степени информативности разных видов источников В. И. Васильев пришел к убедительному заключению об относительно небольшой значимости для изучения этнической истории таких дисциплин, как археология, антропология и лингвистика. По его мнению, здесь на передний план выступают исторические письменные источники и этнографические материалы, в особенности данные полевых сборов (с. 26).

Положительной стороной книги является также детальный анализ исторических источников, которые автор при изучении этногенеза и этнической истории разделил на три категории: 1) документы о численном и родовом составе, 2) документы с информацией по другим вопросам, 3) сведения в произведениях историков, этнографов, географов, путешественников, местных чиновников и др. Рецензируемая работа вводит в научный оборот значительное число новых исторических источников, в первую очередь неопубликованных архивных данных.

Ценной представляется разработанная В. И. Васильевым методика составления и изучения первичных семейно-генеалогических схем. В ходе многочисленных экспедиций он опробовал ее при записях родословных ненцев и энцев. Собранные с помощью этой методики данные дают полную картину этнического, родового и патронимического состава населения сельских советов или территориальных групп, раскрывают ход этнического развития каждой этнографической группы на протяжении 80—100 лет, а с учетом других источников и значительно глубже.

В такой крупной по объему вводимых в научный оборот материалов, по постановке и решению широкого круга проблем работе, какой является рецензируемая монография, естественны, отдельные упущения и недостатки. Их, на наш взгляд, в целом немного. В частности, представляется непонятным, почему автор, указывая на самодийский характер самусьской культуры Томского Приобья, ссылается при этом не на работы В. И. Матюшенко — первооткрывателя и исследователя этой культуры, а на работы других археологов (с. 11). То же следует сказать и об еловской археологической культуре (с. 11). Концепция В. И. Матюшенко о предках самодийцев оказалась почти не затронутой автором монографии. В. И. Васильев на с. 11, солидаризируясь с М. Ф. Косаревым, утверждающим, что самусьцы и еловцы — это этнически разнородные группы населения, даже не упоминает о том, что данные археологических раскопок последних лет свидетельствуют об обратном.

Ареал молчановской культуры В. И. Васильев ограничивает территорией нижнего и среднего течения Чулыма и верховьев Кети (с. 11), в то время как в него входили и приобские земли, да и сам памятник у с. Молчаново находится на Оби. В примечании 18 на с. 44 автор почему-то определяет территорию Эуштинской волости в начале XVII в. правобережьем Оби от устья Томи до самого Томского городка, упуская из виду, что основная территория данной волости находилась непосредственно в бассейне Томи, где был построен, кстати, и Томский городок. Термин «родовое подразделение» употребляется в монографии в качестве синонима понятия «род» (с. 49, 53 и др.), что вносит определенную путаницу, так как под родовым подразделением часто имеется в виду часть рода.

Некоторые сомнения вызывает безоговорочное избрание в качестве критерия для определения принадлежности к разряду аборигенных родов или родов с аборигенным субстратом факта их бывшей безоленности (с. 50, 51, 53). Ведь безоленными могли быть не только аборигены, но и отдельные группы самодийцев. Кстати, автор и сам пишет о том, что часть самодийцев пришла в тундру без оленей. Желательно было бы также более широкое привлечение для решения вопросов этногенеза данных материальной и духовной культуры ненцев и энцев. Нельзя не выразить сожаления по поводу того, что в монографии нет указателя этнонимов, родовых, фратриальных и патронимических названий, что затрудняет пользование книгой.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что монография В. И. Васильева, в которой фактически впервые в нашей этнографической науке прослежена этническая история всех групп ненцев и энцев с древнейших времен, является заметным вкладом в изучение происхождения и этнического развития населения Северной Евразии.

*В. А. Зибарев, Н. А. Томилов*

**С. В. Иванов. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII — первая четверть XX в. Л., 1979, 196 стр., с илл.**

С. В. Иванов хорошо известен научной общественности как крупнейший специалист по этнографии и искусству народов Сибири. Поэтому каждая его новая работа в этой области вызывает большой интерес.

Много лет ученый отдал собиранию и изучению материалов по скульптуре народов Сибири. В 1970 г. вышла в свет его монография, посвященная скульптуре народов севера Сибири. В рецензируемой работе автор продолжает публикацию материалов по этому виду народного искусства, рассматривая скульптуру тюркоязычных народов — алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII — первой четверти XX в.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> С. В. Иванов. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

<sup>2</sup> Скульптуре других народов Сибири и советского Дальнего Востока С. В. Иванов предполагает посвятить специальные исследования.